

Ярослав Вежбиньски

Лодзинский университет, Кафедра языкознания Института русистики (Польша)

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
С ДОМИНАНТОЙ РАДОСТЬ – ГОРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА
И СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

В поисках творческих аспектов языка А. П. Чехова рассмотрим антонимическую парадигму с доминантой *радость – горе*¹. Данный подход предполагает демонстрацию индивидуальных приемов, использованных писателем языковых средств в его произведениях. В индивидуальном использовании антонимов полнее раскрываются семантические и стилистические возможности слов.

В результате анализа фактического материала была получена парадигматическая модель в виде 12 антонимических рядов (АР): *радость // горе, скорбь, грусть, печаль, мука, страдание, боль, скука, тоска, досада, отчаяние, ужас*².

Это такой вид семантических связей, при котором один и тот же член оппозиции (слово *радость*) вступает в антонимические отношения не с одним, а с разными словами, причем эти слова не образуют единого синонимического ряда (СР)³. Семантические отношения между членами приведенной парадигмы имеют, таким образом, многонаправленный характер: антонимический контакт со словом *радость* устанавливают слова, которые в общеязыковом плане принадлежат разным СР.

¹ Под доминантой понимается в данном случае наиболее общее по своему значению, наиболее продуктивное, общеупотребительное и стилистически немаркированное противопоставление. Ср. использование данного термина в: Шмелев 1964: 81. См. также: Свистунов 1978. Термин *парадигма* употребляется нами для обозначения отношений противоположности между лексемами внутри тематической группы слов, которую возглавляет приведенная доминанта.

² Приведенная парадигма составлена нами на основе антонимических контекстов, извлеченных из сочинений по изданию: Чехов А. П., *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*, Москва 1974–1982. По данному изданию приводятся в дальнейшем цитаты с указанием на том и страницу. Выделение антонимов во всех цитатах наше – Я. В.

³ Следует оговориться, что данные о синонимичности слов устанавливались по ССЕ (сокращения названий словарей см. в конце статьи).

Выделенные → слова по БАС неоднородны с точки зрения однозначности / неоднозначности. Многозначные слова могут образовывать антонимические и синонимические ряды не только между прямыми значениями, но и между производными. Так, например, антонимы *радость* – *горе* употребляются в произведениях А. П. Чехова как в первом значении: ‘чувство большого удовольствия, удовлетворения // печали, скорби’, так и во втором значении: ‘то, что радует // огорчает; вызывает, доставляет радость // страдание’, например:

Жил доселе (Петров – Я. В.) безмятежно, ровно, в пьяном полузабытьи, не зная ни *горя*, ни *радости*, и вдруг чувствует теперь в душе ужасную боль. (4, 232)

Эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняя теперь всю его жизнь, была его *горем*, *радостью*, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок он думал о том, как она хороша. (10, 139)

Слова в правой части рассматриваемой парадигмы можно разбить на три подгруппы: первую составляют слова: *горе*, *скорбь*, *грусть*, *печаль*; вторую – *мука*, *страдание*, *боль* и третью – *скука*, *тоска*, *досада*, *отчаяние*, *ужас*. По семантике слова внутри первой и второй подгрупп, каждой в отдельности, оказываются близкими. Слова третьей подгруппы, по сравнению со словами предыдущих подгрупп, являются неоднородными по своей семантике.

Обратимся к реальным контекстам употребления антонимических рядов *радость* – *горе*, *радость* – *скорбь*, *радость* – *грусть*, *радость* – *печаль*:

Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и *радость* была, и тоска была, и *горе* было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! (8, 49–50)

Бывает так, что в темную келию постника, погруженного в молитву, вдруг нечаянно заглянет луч или сядет у окна келии птичка и запоет свою песню; суровый постник невольно улыбнется и в его груди из-под тяжелой *скорби* о грехах, как из-под камня вдруг польется ручьем тихая безгрешная *радость*. (7, 237)

Ни желаний, ни *грусти*, ни *радости* – ничего не выражало ее красивое лицо с вздернутым носом и ямками на щеках. (4, 376)

– Разве радость сверхъестественное чувство? Разве она не должна быть нормальным состоянием человека? Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, чем он свободнее, тем большее удовольствие доставляет ему жизнь. Сократ, Диоген и Марк Аврелий испытывали *радость*, а не *печаль*. (8, 248)

Выделенные выше противопоставления не ограничены рамками приведенных контекстов. На основе данных контекстов и при учете целого ряда других контекстов, в которых раскрывается значение антонимических пар, можно обнаружить следующий факт: семантическая структура данных АР в сущности не идентична. Различия касаются многих аспектов (дифференциальные признаки будут приведены далее).

В данный момент, т. е. на стадии выделения семем, устанавливается, что антонимические оппозиции синонимичны своими основными значениями. Приведем следующие данные:

- 1) Слова *горе, печаль* (по БАС) имеют один и тот же антоним *радость*; это показательно, поскольку тем самым подчеркивается синонимичность пар *радость – горе, радость – печаль*.
- 2) В ССЭ в статье с доминантой *горе* содержатся следующие синонимы: *горесть, горечь, скорбь*, кроме того, дается ссылка на словарную статью, возглавляемую существительным *грусть*, синонимами которого являются: *печаль, уныние, кручина*, что говорит об их семантической близости.
- 3) Слова *горе, скорбь, грусть, печаль* в БАС определяются одно через другое.

Все сказанное дает основание рассматривать данные антонимические оппозиции в качестве синонимичных, их семантика условно однородна за счет близости вторых членов оппозиции. Эти члены оппозиции объединяются тем, что употребляются для обозначения одного и того же понятия (душевное страдание).

Антонимические связи слова *радость* могут расширяться за счет слов *мука, страдание, боль*. Последние характеризуются общностью значений: 'нравственное мучение, страдание'. Эти слова вступают в антонимические отношения со словом *радость* следующим образом: семеме *радость* 'чувство, ощущение большого удовлетворения' антонимичны соответственно семема *мука* 'сильное нравственное страдание'; семема *страдание* 'душевная мука'; семема *боль* 'сильное нравственное огорчение'. Важно обратить внимание на то, что слово *мука*, как и слово *страдание*, основной частью значения, а слово *боль* исходным значением утрачивают антонимическую противопоставленность, например:

Он схватил со стола подкову и хотел ее разогнуть, но, обессилев от *радости* и от *боли* в плече, он ничего не мог сделать; ограничился только тем, что обнял доктора левую рукой ниже талии, поднял его и пронес на плече из кабинета в столовую. (5, 45)

Приведем примеры контекстного употребления антонимических рядов *радость – мука, радость – страдание, радость – боль*:

Никогда я не вижу ее равнодушной... Дни идут за днями, и счастье чередуется с отчаянием... Сегодня она безумно счастлива, завтра она хватается себя за папилютки. И нет конца ее *радостям* и *мукам!*.. (5, 309)

– И не в этом дело, мой друг. Дело не в том, что вы страдали, а я нет. *Страдания* и *радости* преходящи; оставим их, бог с ними. (8, 105)

Объясняясь в любви, Вера была пленительно хороша, говорила красиво и страстно, но он испытывал не наслаждение, не жизненную *радость*, как бы хотел, а только чувство сострадания к Вере, *боль* и сожаление, что из-за него страдает хороший человек. (6, 78)

Слова *мука*, *страдание*, *боль* в приведенных контекстах достаточно однозначно связываются с исходным значением слова *радость*. Признак 'физическое страдание' в данных антонимических оппозициях становится несущественным. Представляется возможным рассматривать выделенные АР в качестве синонимичных. Семантика слов *мука*, *страдание*, *боль* условно однородна. Эти слова, однако, целесообразно выделить в отдельную подгруппу. Наличие в семантической структуре этих слов главного признака 'физическое страдание' некоторым образом изолирует эту подгруппу слов по сравнению с первой.

Способность противопоставляться слову *радость* получают в произведениях Чехова слова *скука*, *тоска*, *досада*, *отчаяние*, *ужас*, что можно считать особенностью его идиостиля. Рассмотрим соответствующие примеры употребления данных слов в антонимических контекстах.

Чувство пустоты, *скуки* уступило свое место ощущению полного веселья, *радости*. Я начал улыбаться. Захотелось мне вдруг болтовни, смеха, людей. (3, 277)

Неизвестно отчего, им овладела *скука*, и от прежней *радости* в груди не осталось ничего, как будто ее и не было. (6, 166)

В основе антонимических связей слов *радость*, *скука* лежит отношение противоположности в значении 'радостное // тягостное чувство' (душевное состояние).

Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и *радость* была, и *тоска* была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит ты не живой, а камень, глина! (8, 49–50)

Слова *радость*, *тоска* образуют АР в значении 'ощущение радости // угнетенности'.

Студенческие грехи досаждают мне часто, но эта *досада* ничто в сравнении с тою *радостью*, какую я испытываю уже 30 лет, когда беседую с учениками, читаю им, приглядываюсь к их отношениям и сравниваю их с людьми не их круга. (7, 289)

В данном контексте слова *радость*, *досада* антонимизируются в значении 'чувство большого удовольствия // неудовольствия, раздражения'.

После обеда Вера пошла к себе в комнату, чтобы отдохнуть от разговоров и от табачного дыма, но и там были гости, и она едва не заплакала с *отчаяния*. И когда вечером все они стали собираться домой, то от *радости*, что они наконец уезжают, она сказала: – Вы бы еще посидели! (9, 318)

Отношение противоположности реализуется в значении 'радостное // тягостное чувство, состояние безысходности'.

В каждой семье есть свои *радости* и свои *ужасы*, но как они ни велики, трудно увидеть их постороннему глазу; они тайна. (5, 328)

В приведенном контексте существительные *радости, ужасы* реализуют антонимическую оппозицию в значении 'события, обстоятельства, приносящие счастье // несчастье; то, что радует // огорчает'.

Частотность употребления всех перечисленных АР неодинакова в произведениях А. П. Чехова. АР *радость – горе* употребляется по сравнению с остальными более регулярно. Его члены, как и члены других антонимических пар, каждый раз наполняются определенным содержанием только в определенном контексте. Однако широкое использование антонимов *радость – горе* лишает их в известной мере той выразительности, экспрессивности, которая характеризует нестандартные антонимы, реализуемые только в речевом употреблении, т. е. контекстуальные антонимы. В этом отношении наиболее показательна последняя из выделенных пар *радость – ужас*.

Слова *радость, ужас*, взятые изолированно, вне контекста, не могут рассматриваться как антонимы. Как словарные единицы, эти слова не антонимичны в своих значениях, их противоположность не осознается. Однако в определенных конкретно-речевых условиях антонимичность может быть проявлена. В приведенном примере слова *радость, ужас* объединяются отношениями противоположности.

Антонимическая оппозиция *радость – ужас* требует подробного анализа. Необходимо проследить, как эта пара слов соотносится с доминантой *радость – горе*, что объединяет названные АР и чем они различаются; следует проверить эти АР на синонимичность.

Рассматриваемые оппозиции отличаются вторыми компонентами. Слова *горе, ужас* в общеязыковом плане не являются синонимами. В ССЕ они входят в разные синонимические ряды, причем слово *горе* выступает как доминанта, а слово *ужас* – как второй член ряда, возглавляемого существительным *страх*.

В анализируемой конструкции существительное *ужас* употребляется в значении 'тяжелые, губительные по своим последствиям, события, факты'. Этой семеме синонимична семема 'события, обстоятельства, вызывающие страдание, печаль; беда, несчастье', характеризующая одно из значений слова *горе*. Слово *ужас* в своей семантической структуре имеет усилительный элемент, который акцентирует степень страдания, передает его интенсивность.

Следовательно, слова *горе, ужас* в данном случае обозначают одно и то же понятие, и этим объединяются; различие же между ними – в экспрессивной, эмоциональной окраске. Следует считать, что оппозиция *радость – ужас* синонимична оппозиции *радость – горе*; отличие между ними прослеживается прежде всего в экспрессивной окраске и сфере употребления, что никоим образом не свидетельствует об их несинонимичности. Следует отметить, что экспрессивность для слова *ужас* в анализируемом примере имеет не только узуальный характер, ее дополнительно усиливает контекстуально обусловленная экспрессивность. Экспрессивность антонимической оппозиции опирается на образность, неожиданность такого противопоставления слов.

Проделанный анализ приводит к следующим выводам:

1. Все представленные слова объединяются по принципу противоположности их семантики. Основанием для группировки АР служит противоположность по основному значению доминанты (кроме АР *радость* – *ужас*, члены которого антонимизируются не в основном, а в производном значении).
2. В рамках одной лексико-семантической парадигмы существуют более мелкие объединения (подгруппы) антонимических рядов. Для приведенных АР можно говорить об их определенной организации. Они образуют иерархию. Наибольшей способностью откликаться на антонимические контакты со словом *радость* обладает слово *горе* и его сателлиты, т. е. слова первой подгруппы. Таким образом, центральную область противопоставления, ядро парадигмы образуют АР *радость* – *горе*, *радость* – *скорбь*, *радость* – *грусть*, *радость* – *печаль*. АР *радость* – *мука*, *радость* – *страдание*, *радость* – *боль* образуют переходную область противопоставления. Периферию противопоставления образуют АР *радость* – *скука*, *радость* – *тоска*, *радость* – *досада*, *радость* – *отчаяние*, *радость* – *ужас*. В периферийной части парадигмы АР воспроизводятся реже, они ограничены рамками немногих контекстов. Антонимичность в этой части парадигмы создается только фактом индивидуально-авторского противопоставления слов.
3. Отдельным АР свойственны некоторые грамматические особенности, т. е. в антонимических конструкциях значение антонимов оказывается тесно связанным с их грамматическими формами. Так, например, появление антонимических значений у слов *радость*, *ужас* ограничивается множественным числом, и их антонимичность в известной мере поддерживается грамматической формой множественного числа. Этот фактор при исследовании антонимии имеет принципиальное значение.
4. Синонимичными могут оказаться АР, которые обычно не синонимичны. В определенных контекстах, например, может быть реализована синонимичность у АР *радость* – *горе*, *радость* – *ужас* за счет смысловой близости вторых членов оппозиции, при этом синонимичность слов *горе*, *ужас* реализуется не в основном значении.

Намеченный семантический анализ требует целого ряда уточнений. Выделение антонимических и синонимических семем – лишь первый этап семантического анализа. Установление семантических отношений между словами не может быть адекватно осуществлено только на основе выделения семем. Дальнейшее изучение особенностей семем, их внутренней структуры невозможно без логического разложения, в процессе которого вскрываются семантические компоненты (семы). Необходимо, следовательно, приложение метода компонентного (семного) анализа.

Следует отметить, что нельзя делать каких-либо умозаключений об отдельных членах парадигмы, не принимая во внимание не только связей,

но и соотношений с другими словами – членами парадигмы. Поэтому для дальнейшего анализа необходимо произвести внутреннюю дифференциацию семем, установить общее и различное между семемами, находящимися в отношении противоположности или близости. Представляется целесообразным проникнуть в природу, структуру самих семем, иными словами, обратиться к компонентной структуре значения слова. На этапе выделения сем проводится членение значения на более мелкие составляющие элементы. Семный анализ имеет своей целью рассмотрение значения как комплекса минимальных дискретных компонентов.

Таким образом, задача следующего этапа состоит в выделении сем, что дает возможность на заключительном этапе исследования сопоставить члены парадигмы. Задача сопоставления заключается в определении тех семантических свойств лексических значений, которые создают возможность для членов парадигмы стать антонимами или синонимами.

В связи с изложенным необходимо определить все те признаки, которые могут характеризовать рассматриваемые значения лексических единиц.

Распределение компонентов (сем) представлено в таблице I. Семный анализ осуществляется по основному значению слов, составляющих антонимическую доминанту (слово берется чаще в основном значении). Следовательно, нет оснований для того, чтобы судить о семантической структуре любого из этих слов. Семантическая структура каждого слова представляет собой более сложное явление.

Приводимые семы в том виде, как они расположены, не являются единственно возможными, хотя мы стремились к наиболее полной и объективной их репрезентации. Дело в том, что в контексте значение не только конкретизируется, но и дополняется и даже переосмысливается. Различные контексты могут, по-видимому, показать не только наличие других семантических компонентов, но и перемещение акцентов в отношении максимального или минимального проявления некоторых сем.

При составлении набора сем для соответствующих семем были использованы, кроме фактического материала картотеки антонимов А. П. Чехова, материалы трех толковых словарей (ТСУ, МАС, БАС), словаря синонимов в двух томах (ССЕ) и словарей антонимов русского языка (САВ, САК, САЛ).

Распределение сем в таблице дается с помощью знаковых обозначений (“+” наличие семы, “+” потенциальный характер семы). В таблице представлены семы, обладающие различным статусом. В семном составе для рассматриваемых значений лексем имеются сквозные семы и семы, которыми они отличаются друг от друга (дифференцирующие).

Семы ‘абстрактность’, ‘чувство’ (‘состояние’), ‘мотивированность чувства’ (причина, ситуация), ‘эмоциональность’ – прослеживаются для всех членов парадигмы. Такие сквозные семы именуются общими семемами, или архисемами. На основе названных сем происходит объединение слов в одну парадигму.

Таблица I Семы парадигмы с доминантой *радость – горе*

СЕМЕМЫ	Р а д о с т ь	Г о р е	С к о р б ь	Г р у с т ь	П е ч а л ь	М у к а	С т р а д а н и е	Б о л ь	С к у к а	Т о с к а	Д о с а д а	О т ч а я н и е	У ж а с
СЕМЫ													
абстрактность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
чувство, состояние	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
мотивированность чувства (причина, ситуация)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
эмоциональность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
характер эмоции:													
положительность	+												
отрицательность		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
удовольствие, удовлетворение	+												
неудовольствие, неудовлетворение		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
интенсивность чувства:													
слабое (легкое)				+					+				
сильное (глубокое)	+	+			+	+	+	+		+	+		
очень сильное (крайнее)			+									+	+
веселое настроение	+												
мрачное настроение		±	±	+	+							+	
душевное томление				+	+			+	+	+			
подавленность		+	+				+			+		+	
безнадежность			±							±		+	+
невыносимость		±				+	±	±					+
негодование											+		
смятение, испуг													+
апатия			+									+	
раздраженность											+		
озабоченность				+	+					+			
стилистическая маркированность			+										

Местоположение сем 'чувство', 'состояние' в одном ряду обусловлено тем, что слова парадигмы, помимо первой семы, могут одновременно включать вторую, при этом нередко наблюдается их взаимопроникновение (диффузность).

То или иное эмоциональное наполнение слов (сема 'эмоциональность') можно дополнительно конкретизировать (см. сему 'интенсивность'). Анализ показывает, что 'эмоциональность' может реализоваться в пределах выделенных семем с различной степенью интенсивности. Выделенные степени интенсивности помогают дифференцировать семемы, способствуют индивидуализации семем.

Сема 'характер эмоции' может вести себя по-разному, выражая как 'положительность', так и 'отрицательность'. В этом случае данную сему можно рассматривать как дифференцирующую.

Анализируемые слова имеют в значении смысловый признак 'эмоциональное переживание', связанное с чувством удовольствия или неудовольствия. Признаки 'удовольствие', 'неудовольствие' могут конкретизироваться.

Количество общих сем для синонимов и антонимов различно. При выделении антонимических семем сема 'неудовольствие' является дифференцирующей (как и сема 'удовольствие'). Для синонимов (шире – для слов в правом ряду парадигмы) сема 'неудовольствие' является общей.

Как явствует из приведенного списка сем, их расположения, семантическую структуру семем можно представить в виде определенного набора сем. Эти семы по существу являются основными параметрами, по которым проводится сопоставление значений между контактирующими словами. Так, например, общий набор сем, конституирующих семему *горе*, следующий: 'абстрактность', 'чувство', 'мотивированность чувства', 'эмоциональность', 'неудовольствие', 'сильная интенсивность', 'подавленность'. Приведенных сем достаточно для того, чтобы служить метаязыковым эквивалентом соответствующей семеме лексемы *горе*.

Для слова *скорбь* можно выделить те же признаки, что и для семеме *горе*, плюс 'стилистическая маркированность' (оно имеет стилистическую коннотацию – 'книжность'). Смыслы семем *горе* и *скорбь* отличаются еще и тем, что вторая отражает более высокую степень эмоции ('очень сильная интенсивность') по сравнению с первой.

Смысловая структура семеме *досада* может быть представлена в виде следующего набора сем: архисем плюс 'неудовлетворение', 'раздраженность' ('расстроенность'), 'негодование', 'кратковременность чувства' (если ввести сему 'протяженность'). Подобным образом можно проанализировать остальные семемы.

В результате семного анализа и последующего синтеза семантических компонентов можно предложить описание слов для рассматриваемых семем. Например:

радость – положительная эмоция субъекта, связанная с чувством большого удовольствия от удовлетворения определенных потребностей

(внешних и/или внутренних) и сопровождающаяся веселым настроением, бодростью духа, оптимизмом, активностью, интересом к окружающему;

горе – отрицательная эмоция субъекта, связанная с чувством большого неудовольствия от неудовлетворения определенных потребностей и характеризующаяся мрачным настроением, подавленностью, пессимизмом;

скорбь – отрицательная эмоция субъекта, связанная с чувством очень большого неудовольствия от неудовлетворения определенных потребностей, сопровождающаяся полной внутренней подавленностью, крайним пессимизмом;

скука – отрицательная эмоция субъекта, мотивированная отсутствием интереса к кому-, чему-либо (окружающему) и характеризующаяся душевным томлением.

Проделанный семантический анализ позволяет разграничивать различные смыслы, соответствующие отдельным словам. Анализ убеждает в том, что возможности рассматриваемых слов стать антонимичными обуславливаются семантической структурой этих слов. Процесс формирования антонимических значений слова *радость* с двенадцатью разными словами обуславливается существованием в его структуре эксплицитных и определенных потенциальных сем, которые актуализируются при антонимических контактах. Необходимо отметить следующее: проведенный анализ (см. табл. I) позволяет судить о симметричности / несимметричности антонимов, о характере противопоставления у антонимов и синонимов, о сходстве и различии антонимических пар.

Анализ фактического материала показал, что семантические контакты могут развиваться и за пределами рассмотренной антонимо-синонимической парадигмы. Антонимическими отношениями объединяются у Чехова слова *горе* и *счастье*, *мука* и *счастье*, *беда* и *счастье*, *страдание* и *счастье* и др., являясь предпосылкой последующих антонимических образований.

Приведем примеры таких образований лишь в некоторых контекстах.

Горе – счастье:

Но, клянусь вам, никто не поймет вас так, как я пойму. Ваше *горе* – мое *горе*, ваше *счастье* – мое *счастье*... (3, 356); После обеда, гуляя в саду, я встретился с «утопленницей». Увидев меня, она страшно покраснела и – странная женщина – засмеялась от *счастья*. Стыд на ее лице смешался с радостью, *горе* с *счастьем*. (3, 352)

Счастье – несчастье:

Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь *счастьем*! (11, 152); Промотал он все свое состояние, но не удалось ему, бедняге, выкинуть из головы образ любимой женщины с кошачьей мордочкой... От *счастья* не умирают, не умирают и от *несчастья*. Грохольский поседел, но не умер. (1, 389)

Мука – счастье:

Весна несет с собой любовь, а любовь несет с собой: «Сколько счастья, сколько муки!» (1, 389)

Мучение – наслаждение:

Чтобы она (любовь – Я. В.) была *наслаждением*, а не *мучением*, я стараюсь делать ее красивой и обставлять множеством иллюзий. (8, 157)

Страдание – счастье:

Потом, на меня еще неприятно действовало то, что женщины вроде Кисочки неглубоки и несерьезны, слишком любят жизнь и даже такой в сущности пустяк, как любовь к мужчине, возводят на степень *счастья, страдания*, жизненного переворота... (7, 132)

Отчаяние – счастье:

Дни идут за днями, и счастье чередуется с отчаянием... Сегодня она безумно счастлива, завтра она хватается себя за папилытки. (5, 309)

Беда – счастье:

Но недолго продолжалось его *счастье*... Явилась новая *беда*, горшая отца Петра (1, 379); – И красивая она. Со старухой связаться *беда*, а с этой – *счастье*! (1, 258)

Грусть – восторг:

Глазами, полными слез. Она глядит на его косматую голову, глядит и с *грустью* и с *восторгом*. (5, 277)

Печаль – веселье:

То была красота мотыльковая, к которой так идут вальс, порханье по саду, смех, *веселье* и которая не вяжется с серьезной мыслью, печалью и покоем; и, кажется, стоит только пробежать по платформе хорошему ветру или пойти дождю, чтобы хрупкое тело вдруг поблекло и капризная красота осыпалась, как цветочная пыль. (7, 165)

Тоска – веселье:

И все-таки, несмотря на такое *веселье*, на улицах было скучно. Ни песен, ни гармоник, ни одного пьяного; люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который никогда уже не вернется на родину, наводит только смертную *тоску*. (14, 65)

Скорбь – восторг:

Она видела во мне интеллигентного и передового во всех отношениях человека, и на ее мокром, смеющемся лице, рядом с умилением и *восторгом*, которые возбуждала в ней моя особа, была написана скорбь, что она редко видит таких людей и что бог не дал ей счастья быть женою одного из них. (7, 130)

Досада – удовольствие:

Ничего особенного не было в том, что Петр Дмитрич лениво сгребал сено, чтобы посидеть на нем с Любочкой и поболтать о пустяках; ничего не было особенного и в том, что хорошенькая Любочка кротко глядела на него, но все же Ольга Михайловна почувствовала *досаду* на мужа, страх и *удовольствие* оттого, что ей можно сейчас подслушать. (7, 169)

Ужас – счастье:

– Утром я не знала, куда деваться от *ужаса*, а сейчас... сейчас, мой хороший великан, я не знаю, куда деваться от *счастья*! (3, 325)

Горе – блаженство:

Если входящий посетитель улыбается и мигает маслянистыми глазками, то это хороший признак: он не умрет от тоски и даже вкусит некоторое *блаженство*. *Горе* же ему, если он трезв! (1. 90)

Горе – удовольствие:

Дымов, сын зажиточного мужика, жил в свое *удовольствие*, гулял и не знал горя, но едва ему минуло двадцать лет, как строгий, крутой отец, желая приучить его к делу и боясь, чтобы он дома не избаловался. Стал посылать его в извоз как бобыля-работника. (7, 64)

Угрюмость – удовольствие:

В мое степенство ему не верилось, и он каждую минуту ждал, что я поднимусь из-за стола и прикажу седлать Зорьку; но к вечеру, видя мое упорство, он поверил и выражением *угрюмости* на лице сменил выражением *удовольствия*... (3, 293)

Если учесть приведенные выше оппозиции и проанализированные ранее антонимические ряды, то можно составить следующую схему:

Как явствует из схемы, парадигма с доминантой *радость – горе* не стоит отдельно. Весьма продуктивной у Чехова оказывается оппозиция *счастье – горе*, которая обрастает своими вариантами противопоставления (*счастье // мука, страдание, беда* и др.). Сказанное свидетельствует о том, что, исходя из одной антонимо-синонимической парадигмы, можно составить более крупные группы слов – лексико-семантические блоки⁴.

Механизм семантических контактов в таких объединениях, охватывающих более широкий круг лексических единиц по сравнению с парадигмой, при использовании семного анализа, безусловно, заслуживает самостоятельного изучения.

Многие из представленных антонимических оппозиций не проявляют себя как регулярные, типичные противопоставления, что обуславливает их экспрессивность. Чеховский прием противопоставления слов – яркий пример индивидуального, необычного подхода к семантике лексических единиц.

⁴ Понятие таких блоков обосновывает в своей монографии В. А. Иванова (см.: Иванова 1977).

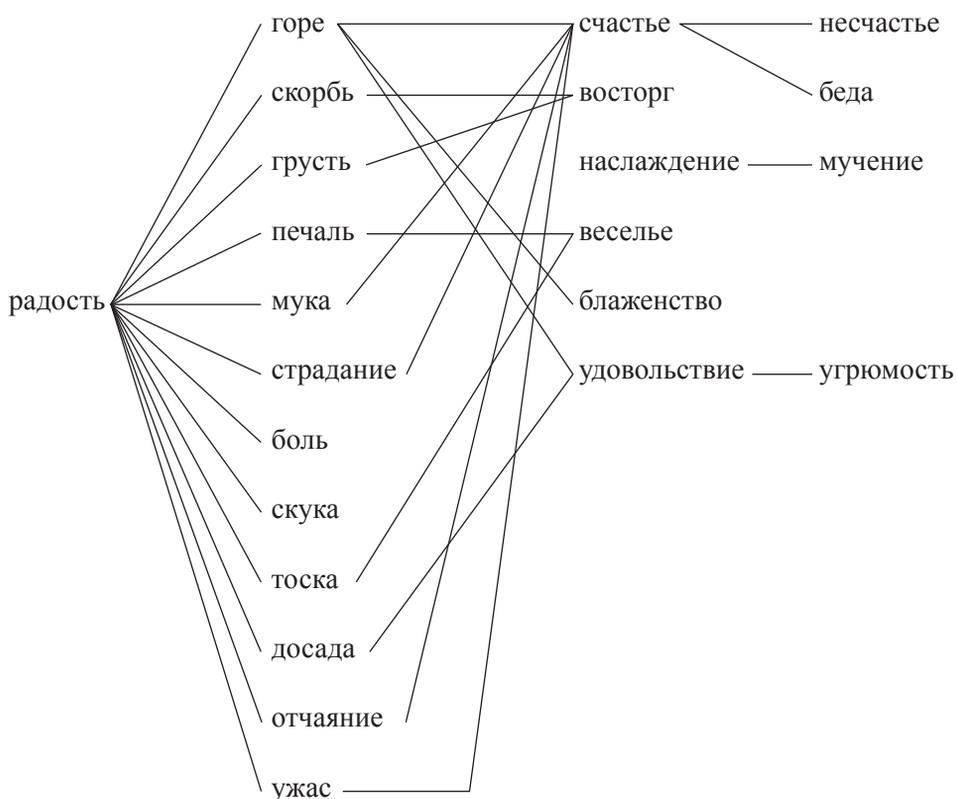

Рис. 1

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ СЛОВАРЕЙ

- БАС – *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.*, Москва – Ленинград 1950–1965.
- МАС – *Словарь русского языка в 4-х т.*, глав. ред. А. П. Евгеньева, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1981–1984.
- СAB – Введенская Л. А., *Словарь антонимов русского языка*, Ростов-на-Дону 1995.
- САК – Колесников Н. П., *Словарь антонимов русского языка*, ред. Н. М. Шанский, Тбилиси 1972.
- САЛ – Львов М. Р., *Словарь антонимов русского языка*, ред. Л. А. Новиков, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1984.
- ССЕ – *Словарь синонимов русского языка в 2-х т.*, глав. ред. А. П. Евгеньева, Ленинград 1970–1971.
- ТСУ – *Толковый словарь русского языка в 4-х т.*, ред. Д. Н. Ушаков, Москва 1935–1940.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вежбиньски Я. (1983), *Антонимо-синонимические отношения в лексике (на материале художественных произведений А. П. Чехова)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ростов-на-Дону.
- Вежбиньски Я. (1984), *Антонимо-синонимические отношения в лексике (на материале художественных произведений А. П. Чехова)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ростов-на-Дону.
- Иванова В. А. (1977), *Синонимо-антонимические блоки*, [в:] *Актуальные проблемы лексикологии и грамматики русского языка*, Кишинев, с. 61–76.
- Свистунов Н. Т. (1978), *К понятию антонимической парадигмы (на материале глагола)*, [в:] *Семантика и формы языковых явлений*, Ленинград, с. 99–108.
- Шмелев Д. Н. (1964), *Очерки по семасиологии русского языка*, Москва.

Jarosław Wierziński

THE PARADIGM WITH THE DOMINANT OF RADOST' – GORIE (ON THE MATERIAL OF A. TCHEKHOV'S LITERARY TEXTS AND RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARIES)

(Summary)

The present paper considers the antonymous and synonymous relations that can be observed in the literary texts of A. Tchekhov with regard to the paradigm with the dominant of *radost' – gorie*. In the paradigm in question the first lexeme appears in antonymous relations with the other 11 lexical units: *skorb'*, *grust'*, *pechal'*, *muka*, *stradanije*, *bol'*, *skuka*, *toska*, *dosada*, *otchajanie*, *uzhas*. The units quoted above are synonymously connected, even though they refer to different synonymous groups. Such determined the synonymy demands a description of differences between the opposites. The differences can be more emphasized as a result of some analysis that aims at relating semes to particular units in the paradigm.

The antonymous and synonymous connections presented in the paper can be recognized as a specific kind of the writer's speech since to a considerable degree they shape the Tchekhov's style.